

Куштыра. — 1995. —

4 фев. — С. 12.

Предполагаю: будет Е. Бачурин удивлен — и звать меня забыл, наверное, как, и перестал надеяться на очерк... Конечно, он в обиде на меня: не обеспечил я «к Христову дню яичко!» А дело в том, что разговоры наши и «сиденья» случились уж... Ну не скажу «давно» (все относительно!), но не «вчера», уж точно! Он перезванивал, интересовался: «Скоро ли? Когда?? Где ж очерк??». А мне — ей-ей! — хотелось «вызреть»: и написать «прилично», и сведения чтоб не разговором нашим иссякали, и «вдуматься» в его картины, песни, интервью... — Короче: «вбросить» его я должен был!

язней, реалий, пристрастий... Я пою о вещах, которые могут быть понятны и дороги только какому-то определенному. — хочу избежать слова «узкий», но все-таки довольно замкнутому кругу людей. Когда я езжу по России и за границам, вижу, кто приходит на мои концерты, что просят спеть, какие записки присылают...

...Меня, если честно, на концертах буквально завораживает его левая рука! У барда-эстрадника как-то непривычно и необычно видеть подобную виртуозность владения инструментом! Оказалось, что не меня одного уже только эта его «левая рука» приводила в трепет: «Нас буквально поразила высокая поэтичность стихов, музыкальная культура, свежие мелодии, гармонии и виртуозная игра на инструменте — в полном смысле этого слова профессионализм Евгения Бачурина в песенном жанре». Это — из воспоминаний-впечатлений одного из «бессмертных» на те годы членов приемной комиссии секции массовых жанров Союза композиторов СССР. В который — вот ведь анекдот! — едва не приняли художника-графика-станковиста...

— Художником я и по диплому числюсь: в полиграфическом закончил класс Андрея Дмитриевича Гончарова, ученика знаменитого нашего графика Фаворского. А первые мои песни, чисто лирические,

Зато в песнях его — почему-то! — абсолютное отсутствие традиционного бардовского «прейскуранта»: костров-палаток, тоски по бездорожью и туманных «уютов»...

— Я никогда не призывал «взяться за руки», «разречь мастеров», пел в мастерских художников, в институтах... Сам себя считаю я «человеком с обочины»: всю жизнь просидел меж двух стульев — художники про меня говорят: «Тот, что поет...», барды: «Ну который рисует...». Я не жалуюсь: сам выбрал такую роль. Иногда мне кажется, что добился бы большего, занимайся я только живописью, но вот «только ею» я и не занимаюсь... Были и скандалы: в 74-м ребята из Института химмашиностроения мой концерт организовали и «строгачей» заработали за песню мою «Я спрошу у Господа...».

Я спрошу у Господа Спросу неразумного, Отчего мы, Господи, Стали как безумные. Отчего мы носимся, Слово угорелые, Друг на друга косимся, Будто дело делаем. Я спрошу у Господа Слова покаянного, Отчего мы просту Стала окаянными.

...Между прочим, я у него, Евгения Бачурина, спросил как раз о том, не земляки ли мы? Дело в том, что в родном моем селе бывшей Курской — полдеревни Бачуриных!

— Я ношу материнскую фамилию: отец погиб в 42-м, но разошлись они значительно раньше. Она — из-под Челябинска, а вот отец ее, Афанасий Бачурин, из-под Курска (Ур-ря! Это-то я и хотел услышать! — Г. С.). Наверное, поэт обязан быть национальным, и я очень рад, что основную часть своей души взял из самой глубины своей нации...

Написанное о нем озаглавляется, как водится, строчками его песен: «Были люди добрые, стало население...», «Нет, мы не птицы, а жаль...», «Запах сирени и дух пустырей...». Разумеется, я туда же «Дерева...» — ставшие чуть ли не опознавательным знаком поэта-художника-философа Евгения Бачурина. С добавлением, правда, позавчерашнеактуального «Диссидентства». Ну хотя бы в рубрику! Дело в том, что по трактовкам-объяснениям разнообразных словарей слово это расшифровывается и как «отступничество», и как «несогласие», и как «еретичество» вообще, с пояснениями, правда, про католицизм, протестантизм и проч-ч-ее из дальних веков. А уж издания 1991-го Большой энциклопедический словарь с пояснением «перен.» — переносное, то есть, — разъясняет, что диссидентство — инакомыслие. А ведь любой художник (если он, конечно, настоящий художник, как говаривал империалист Киплинг) — конечно же, диссидент. То бишь инакомыслящий! Ну если он, конечно, настоящий...

Геннадий СУХИН.

● Е. Бачурин. «Двое».

«Ручей» и «Олень», прозвучали году в 71-м по «Юности» — я до сих пор помню фамилию человека, который вел ту передачу: ДВОРЯДКИНИ Правда, «молодому автору» в то время было уже 37 — я поздно начал. Сегодня вполне могу считать себя и композитором: музыка, которую сочиняю, достаточно профессиональна, и поэтом... У меня ведь и триумф композиторский был! Дочь Анатолия Александрова дала ему прослушать кассету с моими песнями, он меня пригласил, за рояль сел: «Молодой человек... — А мне в то время уже сорок было! — У вас есть песни на уровне Шуберта! Мы примем вас в Союз композиторов». На прослушивании мне уже на второй песне аплодировали Пахмутова, Птичкин, Тухманов... Да так и не приняли. Наверное, потому, что нот не знал!..

Формально если, то родился он в Ленинграде. Но считает себя «уроженцем» Сочи. Поскольку именно там начал осознавать себя на свете. Не потому ли на холстах его — все кипарисы, волны, море...

— Далеко не всем нравится «авторская» моя интонация: с голосом неприятным, дребезжащим, отталкивающим, с металлическим оттенком... Совсем другое дело — Высоцкий: хрип, мужество, напор, воля! Он обращался к огромному кругу, ко всем слоям населения, притягивал к себе, в нем было желание объединить людей... Я — никогда в жизни не обращался КО ВСЕМ СРАЗУ, мне многие были чужды; я уважаю труд любого человека, но понимаю, что шофер — это человек, который живет ДРУГОЙ от меня жизнью. Мы все делаем как бы то же самое, но... как-то по-иному, у каждого из нас свой круг при-

НЕТ ХУЖЕ, НЕТ ЛУЧШЕ ЭТОГО ДНЯ

— Объявленная перестройкой «свобода» дала художникам в последнее десятилетие, конечно, очень много, но... — Иногда «но» с очень большим восклицательным знаком! Перед тобой человек, который, как и многие из нашей интеллигенции, противостоял напору так называемого «совка». И в определенные годы тоже испытал кагэбэшню-партократический натиск — все мы, с одной стороны, ходили вроде бы и «под богом», а с другой — под диктатом этой самой идеологии. Да, «прямые» диссиденты выходили на Красную площадь, протестовали во времена травли Сахарова. Но слабыми своими силами и возможностями и ваш покорный слуга противостоял, как мог. «Трибуны» у меня, правда, не было, но, где я только мог, я пел песни, которые явно не входили в «обойму», крутимую по радио и «ящику»... Никакой Кобзон, конечно, моих песен петь бы не стал; да он их и сегодня не поет... Хотя «перестроился»! А я?.. Я до сегодняшнего дня никак не «перестроюсь»; по той простой причине, что, каким я родился, таким, наверное, и помру — никогда и ни под кого я не подстраивался! В этом отношении считаю себя причастным и к шестидесятиникам, и к семидесятиникам: свободу совести, слова, печати, свободу вероисповедания, свободу всех «свобод», перечисленных в знаменитой хартии, я исповедовал всегда!

Мы живем в ожидании вишен. В ожидании лета живем. А за то, что одной лишь надеждою дышим, Пускай нас осудят потом... — Свое я получил сполна! Меня не терроризировали, но и куда не выпускали; выступать мне приходилось по клубам, институтам... Но петь дозволялось только определенный репертуар. А я всегда проповедовал свой круг вечных ценностей и идей — тех самых, которым поклонялись и Сервантес, и Пушкин, и Пастернак. И в это десятилетие «разрешенной свободы» круг моих интересов оставался при мне... Нет, я не

пророк, но сегодня очень тяжелое, невероятно тяжелое время! Опасное время! Все эти слои, которые раньше были... каким-то пирогом, перемешались в единую кашу, и все будет зависеть от того, куда подует ветер. И завтра от направления огня все будет зависеть...

Я констатирую факт. Что не было времени хуже. И не было времени лучше, Чем то, которое есть. Я открываю дверь в Высший мир И я говорю — нет хуже, Нет лучше этого дня.

...Шестидесятники, ...семидесятичные, ...восьмидесятые сидели в зале торжественно-юбилейного его вечера в ЦДХ на Крымском скопом, плечом к плечу. «Разбавленные», между прочим, сегодняшними тинейджерами — как-то их окрестят позднее?! И вопреки «конфликту поколений» в зале царил почти умильное единение! Крамольно думалось: неужто эти вот, с глазами лучезарными, на поп- и рок-тусовках режут и бесятся в экстазе?! В безмерных «холлах» и «паласах» стадионов. А тут... Ну ангелы! С готовностью слова Бачурину, запаматованные им, подсказывают! И в духе, ритме его песен... Отлично атмосферу зала сформулировал бард (менестрель?) А. Мирзоян: «Мы как-то... тихо и уютно... так сидим». А в зале было... к тыще!

За резным, за дубовым столом Помянут нас недобрым вином, А как станут качать, Да начнут величать Топором, топором!

Между прочим, строфа эта в знаменитом телеспектакле «Лица»... Впрочем, сегодня телеспектакль тот если и помнится, то, может, исключительно звучащими в нем «Деревами» Бачурина... Строчки эти, однако, из телетекста песни целомудренно-цензорски были изъяты. Картины же под названием «Дерева» у художника-графика-станковиста-поэта-барда-композитора... философа (называют

его и так!) Евгения Бачурина почему-то не?!

«Во всяком случае», он гений! Ну из разряда тестов: «Поэт? — А. Пушкин! Леонардо? — «Мона Лиза»! Е. Бачурин — «Дерева». Сказать: Бачурин — И возникают «Дерева».

Дерева вы мои, деревья, Что важ голову гнуть-горевать. До беды, до поры Шумны ваши шатры, Терема, терема, терема.

...Рассказывал он: с передрыгами закончил (уходил в Ленинградский имени Репина институт изобразительного искусства, оттуда выгнали за то, что «косил глазом на Ван Гога», возвратился...) Московский полиграфический, работал иллюстратором в журналах, издательствах, газетах Член Союза художников (СССР), поскольку «член» с 1969-го, когда про «упокой» СССР и думать боязно бывало! В Лозанне, Швеции, Париже, США в музеях-фондах картины «станковиста» Е. Бачурина! В компаниях с Соостером, И. Кабаковым, Янкилевским, персонально — все в тех же США, в «Манеже», на Кузнецком — почти что ежегодно! Попутно — гиганты-диски с песнями: шесть штук уже! Стихи — в журналах «Юность», «Смена», «Континент»... Он — кто: поэт? художник? Меня же потряс его несильный, скрипуче-металлический... С манерой исполнения... небардовский...

— Далеко не всем нравится «авторская» моя интонация: с голосом неприятным, дребезжащим, отталкивающим, с металлическим оттенком... Совсем другое дело — Высоцкий: хрип, мужество, напор, воля! Он обращался к огромному кругу, ко всем слоям населения, притягивал к себе, в нем было желание объединить людей... Я — никогда в жизни не обращался КО ВСЕМ СРАЗУ, мне многие были чужды; я уважаю труд любого человека, но понимаю, что шофер — это человек, который живет ДРУГОЙ от меня жизнью. Мы все делаем как бы то же самое, но... как-то по-иному, у каждого из нас свой круг при-

